

УДК 821.161.1–31 “19” 09 + 929 [А. А. Ким]

Мотив робинзонады в прозе А. Кима

С. Б. ЦЫБАКОВА

«Человек сотворен для уединения – уединения не в фактическом отношении, но в моральном. Есть некоторые чувства, которые поверять никому не надо» [1, с. 44]

«В пустыне мысли могут быть только свои, вот почему и бояться пустыни, что бояться остаться наедине с самим собой» [2, с. 6]

«Кому из нас не мерещилась маленькая избушка в лесу, снабженная крепкой дверью, теплой печкой, грубым столом и лавками, – и жизнь одинокая в ней, чистая, свободная от тревоги и суеты? ... В такой безобидной мечте нет на первый взгляд ничего плохого или глупого – поэтическое уединение не возбраняется, не осуждается, – разве лишь можно усомниться в том, хватит ли затерянных в лесах избушек для каждого мечтателя и вообще хорош ли сам план спасения себя и только себя таким добровольным устранением от жизни, полной неведомых угроз?» [3, с. 111]. В этом фрагменте из лирико-философского отступления автора повести «Луковое поле» – современного писателя А.А. Кима – передано небеспристрастное, окрашенное каким-то пасторально-ностальгическим чувством, отношение к феномену робинзонады, получившему на протяжении веков достаточно широкое осмысление в мировой художественной словесности.

В самом обобщенном значении робинзонада – это «апология существования личности вне общества» [4, с. 881]. «Понятие возникло после появления романа Даниела Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» (1719; рус. пер. 1762-64)» [4, с. 881]. Занимательная история о пребывании человека из цивилизованного мира на необитаемом острове, описанная английским писателем, стала всемирно известной, а само имя Робинзона, главного персонажа, уже давно и нередко употребляется в художественном лексиконе в нарицательном смысле. И хотя книга Д. Дефо не содержит аполгии отшельнического жизнеустройства как особого принципа, в ней, исходя из просветительской концепции «естественного человека», показаны те лучшие качества человеческой природы, которые поглотило и нивелировало цивилизованное общество. Примечательно, что «Робинзон Крузо» был высоко оценен такими выдающимися писателями и мыслителями-моралистами, как Ж.Ж. Руссо и Л.Н. Толстой. Согласно одному мемуарному свидетельству, яснополянский мудрец, прославившись на Ж.Ж. Руссо, назвал роман Д. Дефо «образцовой книгой». Льва Николаевича привлекла сама нравственно-воспитательная идея «Робинзона»: «Главное, мысль глубокая: показывается, что может сделать голый человек, выброшенный на остров, что ему нужно. Невольно является мысль, что для тебя все в жизни делается другими» [5, с. 91]. Показателен с этой точки зрения факт, что «в своем журнале «Ясная Поляна» (1862, № 2) Толстой поместил новый пересказ романа, озаглавленный «Робинзон» [4, с. 881].

В отличие от просветительской философии Д. Дефо, идея сознательного выбора робинзонады как отъединения от общества – одна из центральных в повести-притче средневекового арабского литератора и философа Ибн Туфейля «Хайй ибн Йакзан». В ней необитаемый остров предстает в качестве наилучшей среды для жизни человека, стремящегося к постижению тайн бытия и к интеллектуально-нравственному совершенствованию, реализация которого недостижима в обществе, культивирующем мнимые ценности и идеалы. Существо-

ет предположение о возможности знакомства Д. Дефо с книгой Ибн Туфейля». Согласно этому предположению, «перевод с арабского мог подсказать Дефо идею формирования и совершенствования человека, остающегося один на один с природой» [6, с. 140]. Но если Хайй ибн Йакзан предстает как самоуглубленный мистик, и «уединенность для него – одно из средств познания совершенства» [6, с. 145], то «Робинзон» Д. Дефо не вписывается в эту схему и даже более того, принадлежит, с точки зрения арабо-мусульманской политической философии, к «заблудшим», т. е. принимающим мирские блага за подлинные и конечное счастье человека» [6, с. 145].

Помимо английского романа и повести-притчи Ибн Туфейля, большая часть которых написана в форме робинзонады, существует довольно обширное поле произведений различных жанров, содержащих осмысление робинзонадной модели жизнеустройства личности, а также бытия людей в обособленной среде, вне большого мира. Немало из этих произведений называет А.Н. Николюкин. Среди них, например, поэма Байрона «Остров», повести Германа Мелвилла «Тайпи» и «Ому», роман Жюль Верна «Таинственный остров», роман Жана Псишари «Отшельник Тихого океана». Все они обладают чертами робинзонады, частично или целиком созданы в ее форме. При этом робинзонадная ситуация не обязательно связана с островом. Она может происходить и в иной изолированной среде. Так, в книге американского писателя Г.Д. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» описано лесное уединение. Робинзонада «может быть представлена в форме игры-пародии («Приключения Тома Сойера», 1876, Марка Твена)» [4, с. 881]. А.Н. Николюкин указывает также на животную робинзонаду, образцами которой являются книги о Маугли Редьярда Киплинга и серия романов о Тарзане Эдгара Райса Берроуза.

Во второй половине XX века, заметим, робинзонадная форма была актуализирована писателями в создании произведений интеллектуального типа проблематики, основу структуры которых составляет принцип художественного моделирования. К ним можно отнести роман-«предупреждение» Р. Мерля «Остров», параболу У. Голдинга «Повелитель мух», антиутопию-притчу А. Адамовича «Последняя пастораль». Черты робинзонады проступают в романе японского писателя К. Оэ «Объяли меня воды до души моей...» и в его рассказе «Лесной отшельник ядерного века», содержащих апокалиптическую тревогу за судьбы Земли и человечества.

Мотив отшельничества в качестве сюжетобразующей доминанты проходит через произведения таких современных авторов, как Ч. Айтматов («Когда падают горы (Вечная невеста)») и И. Евсеенко («Отшельник»). В их романах, впервые опубликованных уже в XXI веке, робинзонада представляет собой вариант бегства героя-одиночки из дегуманизированного общества. Интересно, что в романе широко известного классика киргизской и русской литературы Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» (2006) робинзонада переносится в мир животных и выступает не только в человеческой, но и в анималистической формах художественно-образного выражения. Человек-изгой и зверь-изгой, могучий царь гор Жаабарс, уходят в тень, противопоставляя враждебной жизни, в которой процветает культ силы и богатства, позицию единоборства с этими мирскими ценностями через скитальчество и отшельничество. В романе русского писателя И. Евсеенко «Отшельник» (2004) главный герой выбирает уединенную жизнь после пережитого на войне, когда вера в человека как в венец творения окончательно иссякает в нем, сменяясь стремлением обрести комфортное существование в атмосфере патриархально-крестьянских будней и духовных антимирских ценностей, полнее всего о которых поведано в Книге Книг – Библии.

Робинзонадная философия – одна из примечательных особенностей, характеризующих концепцию личности в творчестве А.А. Кима. Изображение вариантов и принципов пути отшельничества является принадлежностью мотивного уровня в структуре таких его произведений, как «Луковое поле», «Лотос», «Собиратели трав», «Отец-лес», «Остров Ионы». Робинзонада в них – это чаще всего форма реализации нравственного поиска, попыток личности обрести независимость от социальных уз, проникнуть в тайны духовознания, природы, жизни, смерти и бессмертия, в сферы невидимых миров и сущностей.

Наиболее глубоко своеобразие личности-одиночки раскрыто в романе-притче «Отец-лес». Это, пожалуй, и самое известное из произведений А.А. Кима, вобравшее в себя ключевые философско-этические идеи и мотивы прозы писателя 1970 – первой половины 1980-х годов, в том числе и нашумевшего в свое время романа-сказки «Белка», содержащего ярко очерченную мистическую и нравственную ориентацию авторского человековидения.

В романе-притче «Отец-лес» мотив робинзонады связан с изображением судьбы и духовных поисков Николая Николаевича Тураева, одного из главных персонажей. Акцентуация в его сознании особой духоносной значимости уединенного образа жизни вырисовывается уже в самом начале произведения, посредством отсылки к личности и эксперименту Г.Д. Торо. На исходе XIX столетия дворянин, отставной офицер, Николай Тураев решает поселиться в лесу. Он мечтает «о свободной и счастливой жизни, которую устроит в благодатной лесной глуши, удалясь от суеты мира наподобие американца Генри Торо» [7, с. 3]. Сходная отсылка, из которой следует, что увлечение мистико-пантеистическими идеями автора «Уолдена» было характерно для некоторой части русского дворянства, содержится и в романе-сказке «Белка». К почитателям Г.Д. Торо, кстати, принадлежал и Л.Н. Толстой, включивший суждения американского писателя в свой сборник «Круг чтения», состоящий из коротких рассказов, легенд и мудрых изречений на морально-религиозные темы. Уход философствующего барина в лес, где посреди большой живописной поляны не в пример Г.Д. Торо, довольствовавшемуся скромной хижинкой, была построена усадьба, в революционное лихолетье разграбленная и сожженная мужиками, объяснен как стремление «постичь не книжные знания, в чем он разочаровался, а ту степень натуральной свободы, в которой пребывают животные и растительные существа – все материальные предметы вселенной от малого муравья до гигантской звезды небес, – и которую мешало постичь суетливое человеческое обещание с наложением своих жестких обязательств, предрассудков и разных правил, как благородных, так и подлых» [7, с. 4].

В изображении лесной робинзонады Николая Николаевича, равно как и в самом его образе, ощутимо двойное авторское отношение. С одной стороны, в характере, строе мыслей и поведении молодого барина – нравственность, братское отношение к природе, вылившееся в «натурфилософскую поэзию», а с другой, – оторванность от реальности, пренебрежение к ее сфере и индивидуализм. Потеряв разумный смысл жизни, разочаровавшись во всех ценностях при столкновении с грубо-циничными силами взорвавшегося общества, Николай Тураев отказывается не только от правил приличия и морали, но утрачивает и глубинные нравственные чувства. «Я теперь – Никто», – заявляет он, имея в виду свой полный духовный разрыв с близкими, с миром вообще. Бывший барин-идеалист умирает бездомным бродягой вдали от любимой им когда-то древесно-лесной стихии, безучастный к себе, к окружающим, в том числе и к старухе Козулиной, поверившей человеку, который пообещал повести ее в новую жизнь, но «вдруг вероломно отрекся от нее» [7, с. 124]. Поступок Николая Николаевича по сути своей жесток и бесчеловечен, а в идейной концепции романа-притчи А.А. Кима любые страдания, несправедливо причиненные человеку, не проходят бесследно не только для него, но «являют в конкретном действии грозную математическую формулу той энергии, которая может погубить человеческий род на Земле» [7, с. 124]. «Этот великий род погибнет, уничтожив сам себя вопреки божественным законам жизненности, прекрасной причинности, если будет нанесено слишком много наглых и безответных обид людям людьми» [7, с. 124]. В философской системе романа-притчи «Отец-лес» человечество предстает как единый, целостный организм, и робинзонада Николая Тураева есть утопия, поскольку являет собой стремление обособиться, «решить загадку бытия в единственном своем числе...» [7, с. 103]. Николай Николаевич «хотел понять ясным разумом, в чем высшее предназначение его единичной жизни, а никакого предназначения не оказалось и не могло быть, потому что он был всего лишь деревцем в ЛЕСУ, а какой смысл может быть в жизни дерева, которое срублено, или сгорело, или засохло и рухнуло на землю лет двести назад?» [7, с. 103]. «Никто», таким образом, – это последняя ступень индивидуалистической отъединенности и оборотная сторона духовно-личностной самозамкнутости человека идеи.

Автор явно несколько ироничен по отношению к Николаю Николаевичу, что отчасти проявляется в указаниях на связь героя с феноменом толстовства. Как следует из текста, «опростившийся барин», по свидетельству его брата, вел переписку с Толстым. Однако если яснополянский проповедник «опрощения» был земным мыслителем, авторитетом для многих современников, невзирая на ряд самых противоречивых и утопичных положений своего учения о жизни, то Николай Николаевич – это слабодушный мечтатель-одиночка, не имеющий единомышленников, несмотря на стройную систему натурфилософских суждений, в центре с «формулой личной свободы», заключающейся в следовании нравственным законам древесного царства, или Отца-леса. Л.Н. Толстой критически относился к праздным занятиям и высоко ценил полезную трудовую деятельность. Разумный смысл и категория полезного – едва ли не основные в жизнепонимании и эстетике великого русского классика. Николай Николаевич, напротив, склонен к пассивному времяпрепровождению, к пустым грезам и развлечением: в своей лесной мастерской, на токарном станке «любил он побаловаться, вытачивая балясины для перил мезонина или грубые шахматные фигурки, при этом отдаваясь странным и бесплодным мечтаниям, таким же неосуществимым, как и мезонин, никогда так и не выстроенный, как и замечательные праздничные вечера в доме, с нарядными дамами, сидящими в креслах у камина, и господами, играющими в шахматы при свете ярких канделябров» [7, с. 7]. Мечтая устроить жизнь независимого философа согласно своей пантеистической формуле, Николай Тураев не свободен вместе с тем от обычных плотских страстей, попадая в плен семейной неволи, а в его сожительстве с простолюдинкой Анисьей небезочевидно и пресловутое «барское сластоблудие». Авторский взгляд на подражателя героя-одиночки Г.Д. Торо ироничен: «Результатом ли этих воззрений явились пятеро детей Николая Николаевича от Анисьи? (Она впервые на Колин Дом явилась в лаптях, подпоясанная веревкою – искала отбившуюся от стада корову, заблудилась и выбрела к Колиному Дому, как называли в народе новую лесную усадьбу младшего из братьев Тураевых). Плоды естественной и свободной любви философа, которые, однако, полностью отняли у него всяческую свободу, потому что плоды росли здоровыми, хотели есть-пить, быть в образе людей, а все это, разумеется, неукоснительно требовало родительской заботы...» [7, с. 5]. Таким образом, в романе-притче «Отец-лес» свобода личности, понимаемая как независимость от общественных связей через разрыв с ними и обустройство для себя некоего потаенного в лесной глуши островка, – это недостижимый идеал, утопия. Аналогичный взгляд на проблему свободы содержится в повестях А.А. Кима «Луковое поле», «Собиратели трав», «Лотос».

В повести «Лотос» мотив робинзонады связан с образом «степного старика» Жакира и осмыслен в духе восточной духовно-философской традиции. «Многодумный» Жакир, смирившись со своей ничтожной земной долей, удаляется в безлюдную степь. Его самоизоляция из «муравейника человеческого» – это своего рода аскетическая робинзонада «ради предельного обнажения сути своей несвободы» [3, с. 319], или иными словами «ради свободы быть рабом Солнца» [3, с. 322], поскольку «каждый человек чей-нибудь да раб ... так устроил аллах, перед которым все рабы» [3, с. 319]. В поведении и строе мыслей кочевника Жакира проступают черты восточного мудреца-одиночки, с его философией смирения и непричастности к интересам «базара людского». Для прозы А.А. Кима вообще характерен образ старика-чудака, убогого, слабого и никчемного в глазах мира, живущего просто и бедно в каком-нибудь глухом уголке, на лоне природы, в родственном единении с низшими существами – растениями, насекомыми, животными. Таков До Хок-ро, молчаливый, безобидный собиратель морской капусты, единственное укрытие которого – ветхая хижина на уединенном морском побережье. Внутреннее благородство До Хок-ро в его смиренномприятии своей участи. Восточно-мистический аспект жизнепонимания особенно ярко вырисовывается в мысленном обращении старика к Солнцу: «Ты, всемогущий владетель жизни, не добрый и не злой, ты можешь хоть сию же минуту вонзить в меня свое жало... Ты дал мне много лет непонятной жизни, можешь дать еще столько же, хоть я и не прошу, – думал старик, – и каждый миг, каждое движение этой жизни принадлежит не мне, а тебе, владетель!» [3, с. 432-433]. «И старик стоял перед солнцем смиренно, как ученик школы перед учителем, готовый к послушанию, равнодушный, спокойный и чуждый своих страхов, желаний и помыслов» [3, с. 433].

В уединении До Хок-ро нет робинзонады. Наивный старик живет сам по себе, потому что так сложилась его судьба. Пантеистический вариант робинзонады связан в повести с образом смертельно больного незнакомца, порывающего с привычным обществом и уходящего в природу, чтобы там, познакомившись с человеком из хижины и войдя в его духовное измерение «безмолвного согласия с жизнью» обрести источник живительного знания о том, что «прекрасная природа не может утешить человека» [3, с. 438], так как «человека может утешить только человек» [3, с. 438].

В повести «Луковое поле» авторские размышления о робинзонадной модели человеческого образа жизни проникнуты одновременно реалистической трезвостью и лирическим чувством. С одной стороны, «лесное пустынножительство» как один из соблазнительных вариантов удаления от мирской суеты отвергается, поскольку в изоляции от общества, наедине с природой, человек не способен избавиться от самого себя, от собственных мыслей. В лирическом же аспекте размышления желание «отшельнического уединения» – это сильнейший искус. Поэзия чувства не подвластна требованиям рассудка: «Я должен признаться тебе, что это было самым любимым, великим желанием моим, в нем нет, повторяю, ничего удивительного, кроме одного: присутствуя во мне, словно некий устойчивый вирус, оно всю жизнь тревожило меня и проявляло наивысшую активность в пору самых бешеных усилий моих в борьбе житейской, – то есть тогда, когда уйти в лес на пустынножительство не было никакой возможности» [3, с. 111-112].

В отличие от прозы А.А. Кима 1970 – 1980-х годов, в которой имеет место пантеистический вариант робинзонады, осмысляемой в ракурсе категорий свободы и несвободы человеческого бытия, в метаромане (авторское определение жанра) «Остров Ионы» (2001) отшельничество предстает как абсурд и негативная модель существования личности. Робинзонада является завершающей частью в истории персонажа Ионы, библейского пророка, который, согласно «метароманной» версии, по божьей воле обрел «бесконечное телесное долголетие» [8, с. 41] в условиях необитаемой островной среды. За три тысячи лет существования «среди морских животных и птиц, устранись от человеческих игр» [7, с. 74], Иона, выступающий как своего рода гипотетический робинзон, вымоливший у Господа «вечную жизнь без смерти» [8, с. 74], деградировал, превратясь в «дивное, несуразное, громоздкое, неуклюжее существо...» [8, с. 73]. Вечное плотское существование – это всего лишь «бессмертие» («в нарушение правил новой русской орфографии») [8, с. 56], в отличие от бессмертия, которое писатель, по его признанию, стремится постичь, считая, что оно входит в состав нашей личности, физической и духовной. Абсурдность жизни без смерти только высвечивает теневые стороны отшельничества как состояния, которое является не только противоестественным, но и порой антидуховным для человека.

Пустынножительство в различных его вариантах предстает в прозе А.А. Кима, таким образом, как утопическая модель жизнеустройства личности и форм духовно-нравственного поиска. Робинзонадная эстетика одновременно привлекает и отталкивает автора, сознающего, что «план спасения себя и только себя таким добровольным устранением от жизни» [3, с. 111] есть «самая опасная глупость мудрецов» [3, с. 111].

Abstract. The article focuses on the analysis of the peculiarities and the role of the motive of robinsonade in the ideological and philosophical structure of the literary works by modern Russian novelist A. Kim. The paper shows that this motive goes through all Kim's works, and by means of it the moral and philosophical concepts of problematic relationship between society and a personality, contradictions in human nature which are characteristic of this writer are expressed.

Литература

1. Толстой, Л.Н. Дневники 1847 – 1894 / Л.Н. Толстой // Собр. соч.: в 22 т. – М.: Худож. лит., 1985. – Т. 21.
2. Пришвин, М.М. Лесная капель / М.М. Пришвин // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1983. – Т. 5.

3. Ким, А.А. Избранное / А.А. Ким. – М.: Советский писатель, 1988.
4. Николукин, А.Н. Робинзоны / А.Н. Николукин // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николукина. Институт науч. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 881-882.
5. Булгаков, В.Ф. О Толстом. Воспоминания и рассказы / В.Ф. Булгаков. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1978.
6. Шукроева, С. «Хайй ибн Йакзан» ибн Туфейля и «Робинзон Крузо» Д. Дефо / С. Шукроева // Восток и взаимодействие литератур: сб. науч. тр. – Душанбе: ТГУ, 1987. – С. 140 – 145.
7. Ким, А.А. Отец-лес: Роман-притча / А.А. Ким. – М.: Советский писатель, 1989.
8. Ким, А.А. Остров Ионы. Метароман / А.А. Ким // Новый мир. 2001. – № 11-12.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 12.04.07

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ